

Русская мысль. - Париж. - 1999 -
«Я — поэт современный»

21 окт. - с. 13
 Вечер памяти Генриха Сапгира в Праге

В русско-чешском ресторане «Клементинум» прошел вечер памяти скончавшегося 7 октября в Москве поэта Генриха Сапгира. Это уютное заведение в центре Праги, у Карлова моста, принадлежит группе друзей, среди них — известный фотохудожник Андрей Райзер, внук профессора русской литературы, эмигранта первой волны Альфреда Людвиговича Бема. Писатели, художники, актеры, ученые и политики знают и любят «Клементинум».

Сюда пригласил своих друзей художник Виктор Пивоваров, почти двадцать последних лет живущий в Праге. Многолетний приятель Сапгира, некогда москвич, Пивоваров — иллюстратор сапгировских книг для детей: «Леса-чудеса», «Красный шар», «Про Фому и про Ерему», «Полосатые стихи», «Карманный комарик».

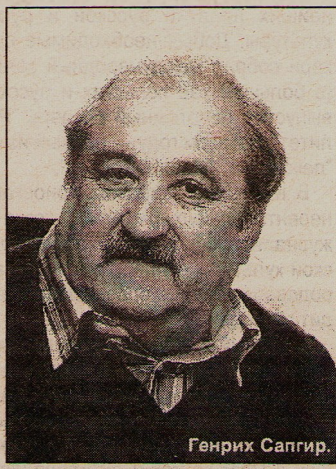
На столе перед В.Пивоваровым две стопки тонких поэтических сборников — сапгировские и книги Игоря Холина, тоже иллюстрированные Пивоваровым. Дружба двух поэтов продолжалась более пятидесяти лет, они начинали почти одновременно и умерли с разницей в четыре месяца: Холин скончался 15 июня.

— Генрих Сапгир, — рассказывает Пивоваров, — много лет дружил с Иосифом Бродским. Это была дружба-соперничество. И так же, как Бродский представлял собою фигуру поэта в Ленинграде-Петербурге, так в нашем московском кругу фигуру поэта олицетворял Генрих. Однажды он сказал: «Бродский — поэт классический, а я — современный».

Он никогда не употреблял сам о себе слова «авангард». И он, конечно же, шире — он просто поэт. Другое дело, что Генрих — изобретатель, он без конца придумывал, ему было скучно работать в одном ритме или в одном стиле. Он без конца пробовал. Испытывал язык, формы: и свободный стих, и сонеты, любые формы классического стиха. Он был так дико талантлив, что ему все давалось очень легко. Поэтому мне смешно, когда говорят: «Сапгир — авангардист». Это к нему не относится.

А что представлял собой дружеский круг, упомянутый В.Пивоваровым?

— Этот небосклон, с одной стороны, был широк, с другой — ограничен. На этом небосклоне не было таких звезд,

Генрих Сапгир.

как Ахматова (как, например, для Бродского), но была звезда Крученых, с которым Сапгир был знаком и необычайно его почитал — не как авангардиста, а как поэта, как собрата по перу. А в круг этот входили прежде всего его ближайший друг Игорь Сергеевич Холин, Ян Сатуновский, прозаик-сказочник Геннадий Цыферов, детский писатель Георгий Балл, Евгений Леонидович Кропивницкий, Эдуард Лимонов, Ирина Пивоварова, поэт и прозаик Дмитрий Савицкий, поэт и художник Олег Прокофьев.

Генрих очень точно сказал: мы не были диссидентами. Мы были богемой. А богема, с точки зрения власти, — это свободные люди. Их непечатание было тогда данностью.

Одну из областей Сапгира можно было бы назвать переводческой, но это не совсем подходящее слово. Речь идет о его многолетнем сотрудничестве с Овсеєм Дризом, которого он сделал практически русским поэтом. Овсей Дриза переводили и раньше, но таким Дризом, каким мы его знаем, сделал его Сапгир.

А Игорь Холин?

— Холин в общелитературных кругах не ценится высоко, но невероятно высокий авторитет он имел у нас, под небом, под которым жили мы. Все, что вышло при жизни Игоря Сергеевича, — это вот четыре книжечки. Первым вышел сборник, изданный Виталием Стациным в Париже в 1989 г. тиражом 50 экземпляров. А вот сборник «Жители барака» с моими иллюстрациями, он был подготовлен раньше,

чем у Стацинского, но московские дела — медленные, и книжка вышла на пару месяцев позже парижской. Она ужасно издана: пьяный типограф на первой же странице одно стихотворение повторил дважды, а рисунки все зеркально перевернуты. За несколько дней до смерти Игоря Холина я привез ему в Москву еще одну книжку, которую сделал вручную, 12 экземпляров, — «Стихи, не имеющие смысла». В тот же приезд я привез и Генриху Сапгиру книгу, сделанную таким же образом, — «Утренняя философия». Я последним из «наших» видел Холина в живых: в день моего отъезда он ложился в больницу и через неделю скончался.

Виктор Пивоваров мастерски читал стихи обоих поэтов, и вечер памяти Сапгира естественным образом превратился в поминание двух покойных друзей.

— Эти дни, — признался Виктор Пивоваров, — я ощутил не только как дни траура и печали, но... я долго не мог найти подходящее слово, а потом нашел: торжества. Я понял, что мы все причастны, мы свидетели бессмертия. У Генриха есть ощущение полноты жизни и свершения. Поэтому сегодня не нужно грустить. Я знаю, что Генрих и Холин были бы рады, что на вечере их памяти люди веселятся.

На мемориальном вечере в «Клементинуме» присутствовали поэты Игорь Померанцев, Алексей Цветков, Илья Дадашидзе, прозаик и драматург из Тель-Авива Нина Воронель, ее муж, публицист и издатель Александр Воронель, продюсер Марина Смирнова-Фрецца, эссеист Петр Вайль, историк Владимир Тольц, литературовед из Иерусалима Владимир Хазан, профессор философии Карлова университета Томаш Гланц, московские актеры Светлана Немоляева и Александр Лазарев и другие приглашенные.

И.Т.

Прага